

Պեղումները վկայում են, որ Արմավիրում, ուրարտացիների անկումից հետո, կյանքը շիքնդհատվել է, իսկ հետագայում, իր դիրքի շնորհիվ ավելի բարգավաճելով, քաղաքը դարձել է հայկական թագավորների նստավայրերից մեկը։ Ուրարտական շենքերի մեծ մասը օգտագործվել է նաև վաղ հայկական և հելլենիստական շրջանում։ Արմավիրի միջնաբերդի բլրի ուղեֆի, անրնդհատ բնակության, բնական և արհեստական շենքերը խառնվել են, և դա դեռևս հնարավորություն չի տալիս պարզորոշ կերպով սահմանադատել վաղ հայկական և հելլենիստական հարուստ ու բազմազան խեցեղենը։

Գտնելով այդ շրջանների նյութական մշակույթի մնացորդները ներկայացված են գլուղի արևմտյան ծայրում, Մարտոյի բլուր կոչված վայրում բացված փոքրաթիվ աղքատ դամբարաններով, ամրոցի մոտ պարսպից դուրս և նրա տակ ներսում երկայնքով բացված (I տեղամաս) դամբարաններով և այդ մասի շերտերում ու պալատական շենքի առջև (III տեղամաս) բացված խոր հորերում հայտնված նյութերով։ Ամրոցում անրնդմեջ կյանքի հետ կապված նորանոր շինությունների հետևանքով այդ շերտերը մեծ մասամբ ոչնչացվել կամ խառնվել են։

Նույնը կարելի է ասել III տեղամասում բացված հորերի պարունակության վերաբերյալ։

Այստեղից (76, Ե և 86 քառակուսիներ) մեծ քանակի տարբեր տեսակի գունազարդ և միագույն խեցեղեն է դուրս եկել, որոնց մեծ մասը անտարակույս հելլենիստական է, սակայն վերջինիս հետ միասին գտնված, մ. թ. ա. VII—IV դարերի տեղական (կանթեր և առանձին սև զարդերով) կավանոթների բեկորները գտնվարացնում են վաղ հայկական և հելլենիստական խեցեղենը զատորոշելը, քանի որ վաղ հայկական խեցեղեն անոթների ձևերը շարունակվում են նաև հելլենիստական շրջանում։ Ամրոցի ներսում պարսպի տակ բացված մ. թ. ա. II—I դարերի սալարկղային և կարասային թաղումների մեջ հայտնաբերված իրերը հիմնականում զարդեր են, խեցեղենի սակավաթիվ գլուղները գրեթե ոչնչով չեն օգնում վերոհիշյալ հարցերի պարզաբանմանը։ Ամրոցում գտնված գունազարդ խեցեղենը, որի մի քանի օրինակներ քննության առնվեցին այստեղ, գույներով ու զարդերով մասամբ տարբերվում են Արմավիրի գունազարդ խեցեղենից։ Հայաստանի գունազարդ խեցեղենը իր ձևերի, գույների ու զարդերի ընդհանրություններով հանդերձ, մեծ բաշմազանություն է հանդես բերում, որովհետև ամեն կենտրոն ունի իր յուրահատկությունները։

ժ. ԽԱՉԱՏՅԱՆ

О НЕКОТОРЫХ АРМЯНСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКА

Белгород-Днестровск был, как известно, одним из наиболее ранних городов средневековой Молдавии с многочисленным армянским населением. Ранние свидетели матеральной культуры армян города, упомянутые в ряде работ, относятся к середине XV в. Однако, по мнению Гр. Гойлава, есть свидетели более раннего периода, в частности X—XII вв.¹

Поскольку до сих пор среди историков нет единого мнения относительно времени появления армян в этом городе, не будем затрагивать этот вопрос в данном исследовании.

¹ См. G. G. Gollav. Bisericile armene din Tarile Romane. „Revista pentru istorie, arheologie și filologie“, București, 1912, t. XII, № 1.

В результате изучения материалов по истории армянской церкви в Белгород-Днестровске, архивных источников, содержания имеющихся в нынешней церкви плит выявились некоторые положения, связанные, в частности, с количеством церквей, временем их существования, происхождением и др., препятствующие четко представить картину развития армянской церкви в Белгород-Днестровске. Раскрытию этих положений и посвящена данная статья.

Самые древние сведения армянской церкви в Белгород-Днестровске дают основание предполагать, что она относится к XIV в. Этому мнению придерживается известный исследователь истории армян Молдавии и Румынии Х. Дж. Сируни, который, ссылаясь на сведения Г. Алишана, историка XIX в., указывает, что в 1384 г. католикос Теодорос назначил Ованеса епископом ар-

мян Львова, которому подчинил армян Аккермана (Белгород-Днестровска.— А. Т.)². Видимо, это послужило основанием для Х. Дж. Сируни считать, что в этом городе должна была быть армянская церковь. Он же упоминает посла Гильбера де Лануа, указавшего на наличие в 1421 г. в этом городе армянской церкви³. Мемориал, составленный в 1469 г. в Белгород-Днестровске армянским архиепископом Николаем, дает основание заключить, что в этом городе действовала армянская церковь⁴. Далее Сируни приводит сведения армянского хрониста XVII в. Гр. Даранагского. Так, хронист сообщает, что в 1634 г. в Константинополе во время судебного процесса, на котором он сам присутствовал, представитель турецкого суда, обратившись к армянам—служителям церкви Белгород-Днестровска, сказал: «Не вы ли последователи тех (армян.— А. Т.), которых султан Мехмед привез (в Константинополь.— А. Т.) в ссылку из Аккермана. Церковь, которой вы владеете, (султан Мехмед.— А. Т.) взял у греков и подарил ее вам»⁵.

Характерно отметить, что упоминание о греческом происхождении нынешней армянской церкви содержится и в предании⁶, которое гласит, что когда-то жили два брата грека, оба были холостяками и занима-

лись торговлей. Каждый из них построил по одной церкви с тем, чтобы они считались монастырями и чтобы при них жили греческие иноки. Сначала при обеих церквях было много иноков, но потом число их так уменьшилось, что иноки обеих монастырей соединились вместе, и одну церковь закрыли. Закрытую церковь греки-иноки потом продали переселившимся из Малой Азии армянам.

В упомянутой же работе Х. Дж. Сируни ссылаются на сведения миссионера Луиджи Мария Пиду, из которых видно, что в 1669 г. в этом городе была армянская церковь и священник, находящийся в подчинении армянского епископа Молдавии⁷. В своих путевых записках архимандрит-католик Минас Бжшкянц, проезжавший через Белгород-Днестровск в начале XIX в., указывает, что армяне «имеют старинную церковь... где упоминается о трех храмах»⁸. Упоминание о наличии в Белгород-Днестровске грех церквей содержится также в работах П. Батюшкова⁹, Л. М. Меликсет-Бекова¹⁰, Ф. Кирика¹¹, В. Курдиновского¹². Необходимо отметить, что упоминание в трудах этих авторов о якобы когда-то существовавших в этом городе еще двух церквей, кроме нынешней, обусловлено описью Бжшкянца, приводимой в его работе. В переводе Л. М. Меликсет-Бекова опись гласит: «Возобновленная опись сокровищницы записана в 1196 г. (т. е. в 1747 г.— А. Т.) в приморском городе Аккермане, в притворах храмов трех святых: Святой Богороди-

² См. Н. Dj. Siruni. Armeni în România en prilejul unui centenar, București, 1940, стр. 24; Г. Алишан. Каменница, Венеция, стр. 217—220 (на арм. яз.).

³ См. Н. Dj. Siruni. Tara vovodului Stefan, București, 1941, стр. 15; Voyages et ambassades de Messire Guillebert de Lannog en 1309—1450, Mops, 1840.

⁴ См. Н. Dj. Siruni. Указ. соч., стр. 21.

⁵ Н. Dj. Siruni. Там же, стр. 18—19.

⁶ См. В. Курдиновский. Примечание к статье Ф. Кирика «Древнейшие типичные православные церкви Бессарабии», ч. I, под редакцией В. Курдиновского. «Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества», вып. 10, Кишинев, 1918, стр. 97. Предание заимствовано В. Курдиновским из метрики Иоанно-предтеченской церкви в Белгород-Днестровске, составленной преподавателем Кишиневской духовной семинарии Е. Е. Михалевичем.

⁷ См. Н. Dj. Siruni. Указ. соч., стр. 20.

⁸ См. Մ ր ի ս ա ն ժ. Բ ժ շ Կ Ե ա ն ց. Ունապատճորդութիւնն ի Հեռաստան և յայլ կողմանս բնակեալս, ի շայգազանց սերելոց ի նահնեաց օտար բաղաբին. Վեներիկ, 1830. Л. М. Меликсет-Беков. Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии), Тифлис, 1911, стр. 12.

⁹ См. П. Батюшков. Бессарабия. Историческое описание, СПб., 1892, стр. 72.

¹⁰ См. Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 24—27.

¹¹ См. «Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества», вып. 10, Кишинев, 1918, стр. 94.

¹² См. В. Курдиновский. Указ. соч., стр. 100.

цы, Святого Авксентия и Святого Евангелиста Иоанна»¹³.

В нашем распоряжении, к сожалению, нет сведений об армянской церкви, относящихся к XVI в., что не дает возможности составить целостное представление об истории армянских культовых зданий в этом городе. Некоторые сведения о нынешней армянской церкви начала XIX—XX вв. содержатся в ряде источников фондов Центрального государственного архива Молдавской ССР¹⁴.

В непосредственной связи с решением вопросов, поставленных в начале статьи, находится и содержание мраморных плит нынешней церкви. Самая ранняя плита церкви относится к 1446 г. За ней следует плита 1474 г. и другая, на которой не обозначено время ее изготовления; эти плиты, судя по их содержанию, надгробные. Две другие плиты находятся в приалтарных маленьких ризницах церкви: одна надгробная, дат. 1703 г., а вторая—1699 годом с упоминанием о строительстве церкви Св. Авксентия. Сохранилось еще несколько надгробных плит XVIII в. в притворе и у западного входа церкви (снутри и снаружи).

Наличие надгробных плит XV в. послужило основанием для А. Кочубинского считать нынешнее здание «свидетельницей турецкой эпохи»¹⁵, но он не указывает при этом более точное время ее возникновения. Это же повторяется и у Л. М. Меликсет-Бекова¹⁶. Ф. Кирика утверждает, что датировка плит свидетельствует о том, что церковь была уже в 1446 г.¹⁷ Известный знаток армянских древностей Белгород-Днестровска Гр. Авакян, возможно, су-

дя по тому же, считает, что в 1445 г. существующая ныне церковь была именно армянской¹⁸. Имеется также утверждение о существовании этой церкви еще в XIV в.¹⁹

Значительным подспорьем для определения времени возникновения нынешней армянской церкви являются сведения хрониста Гр. Даранагского. Упомянутый им султан Мехмед, подаривший армянам греческую церковь, мог быть только Мехмедом III и мог осуществить акт передачи в период его султанства (1595—1603)²⁰. Таким образом, возможно, время строительства церкви относится к периоду между концом XV в. и серединой XVI в. Ранний рубеж обуславливается тем, что культовые христианские здания, полузагубленного типа, каким характеризуется и наша церковь, сооружались в местностях, находившихся под турецким владычеством²¹, начиная с 1484 г., т. е. после захвата Белгород-Днестровска. К таким зданиям можно отнести также церковь в Килии и в Каушанах. Верхний предел времени немного относителен; он основывается на приближенных сведениях архиепископа Нерсеса (Аштаракци.— А. Т.), сообщавшего, что «судя по преданиям, она (нынешняя церковь.— А. Т.) издревле существует, полагают, что около 300 лет»²²,— писал архиепископ Нерсес I в 1829 г.

Таким образом, из приведенных сведений и наших суждений можно заключить, что до конца XV в. в Белгород-Днестровске была какая-то другая армянская церковь, уничтоженная, по всей вероятности, турками.

Это предположение наталкивает нас на мысль о том, что, возможно, нынешние

¹³ См. Մ Ի Ն Ս Ո Ւ Վ. Բ Ճ Զ Կ Ե Ն Ի Գ. Указ. соч., стр. 217; Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 18.

¹⁴ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1190, л. 2; ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 6; ф. 2, оп. 1, ед. хр. 5831, л. 18; ф. 6, оп. 5, ед. хр. 530, л. 57.

¹⁵ См. А. Кочубинский. Тура (Тирас) — Белгород — Аккерман. «Записки Одесского императорского общества истории и древностей», т. XXIII, отд. I, стр. 121.

¹⁶ См. Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 17.

¹⁷ См. Ф. Кирика. Указ. соч., стр. 94.

¹⁸ См. Gr. Avachiap. Din trecutul Cetatii—Albe, Bucuresti, 1928, стр. 78—79.

¹⁹ См. А. Авербух, Г. Криволап. По историческим местам Белгород-Днестровского, Одесса, 1965, стр. 27.

²⁰ См. M. Guboglu. Paleografia și diplomatica turcoosmana, Bucuresti, 1958, стр. 95.

²¹ См. «Килийская церковь Св. Николая». «Записки Одесского общества истории и древностей», т. II, 1850, стр. 484.

²² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 6 и об.

плиты XV в. принадлежали именно этой церкви или бесследно исчезнувшему кладбищу. Одновременно с этим можно полагать, что эти плиты могли быть перенесены из других мест, возможно из Крыма, тем более, что перенесение дорогих реликвий, надгробных плит известно в практике крымских армян²³. Если допустить такую мысль, то они могли быть перенесены и установлены в нынешней армянской церкви только в конце или в течение первых трех лет XVII вв., т. е. во время султанатства Мехмеда III, когда он подарил нынешнюю церковь. Несмотря на такое предположение, возникает некоторое сомнение, ослабляющее достоверность этой позиции. Так, период от датировки самой ранней плиты, т. е. 1446 г., до установления ее в церкви в указанное время (1595—1603) составляет около полутора столетия. Поэтому нам кажется, что армяне Крыма вряд ли считали бы нужным привезти с собой надгробье давно умерших родных. Так, исходя из этого, мы склоняемся к предположению, что нынешние плиты XV в. местные и принадлежат какой-то церкви или кладбищу, существовавшему в период между 1484 и 1595—1603 гг., следы которых пока не обнаружены. При этом ранняя плита могла оставаться в предполагаемой церкви не более 38 лет, а плиты 1476 г. — всего 8 лет. В конечном счете время от разрушения церкви или кладбища в 1484 г. до установления плит в нынешней церкви составляло более 100 лет.

Вместе с тем возникает естественный вопрос: была ли какая-то другая церковь в период от предполагаемого уничтожения церкви до получения от греков нынешнего здания церкви. Куда же, в какую церковь могли ходить армяне, ведь сто лет отделяли их от уничтожения церкви до получения ныне существующей церкви. Нам представляется, что у армян города должна была быть церковь, возможно деревянная, и также уничтоженная, на этот раз 600 казаками объединенной армии молдавского князя Иона Водэ чел Кумплит, посланными им в Белгород-Днестровск с целью захвата города у турок.

²³ См. Հ. Քերոզրէզի վ. Քուչեբրեան. Ճանապարհորդութիւնն ի Քերդուհրդոնեա ի նոր-նախիջիւան, «Բազմաշնչ», Վենետիկ, 1—111, 1887, стр. 9.

Как сообщает летописец Николай Костин, казаками была сожжена половина города, находящаяся за крепостью. Это событие имело место в 1573 г.²⁴ Итак, от этого события до получения от Мехмеда III нынешней церкви отделяло 20—25 лет. Надо полагать, что армяне города были прихожанами своей новой упрощенной церкви, или местной молдавской, или греческой церкви.

Для данного исследования особенно важным источником является содержание упомянутых плит, установленных в приалтарных маленьких ризницах. Надпись маленькой южной ризницы, выполненной на темно-серой мраморной прямоугольной плите (84×49×10 см), состоит из собственно надписи в пять рядов и изображений крестов, помещенных в верхних углах плиты (рис. 1 а, б).

Центральная надпись плиты гласит:

«ԿԱՄՍՎՆ ԱՆՄԱՀԻՆ
ԱՍՏՈՒԾՈՅ ՄԵ(Ն)Ք ԱՂՔ(Ե)ՐՄԱՆԱ
ԺՈՂՈՎ(ՈՒ)ՐԴՔ ԵՒ Վ(Ա)Ճ(Ա)Ռ(Ա)Կ(ԱՆ)Ք
ՇԻՆԵՑԱ(Ն)Ք ՉՍՈՒՐՔ
ՕԳՍԵՆՏ ԵԿ(Ե)Ղ(Ե)ՑԻՍ ԵՊԱՍՏՈՒՔ(ԵԱՄՔ)
ԱՔԱՆԱՍ ՎԱՐԴ(Ա)Պ(Ե)ՏԻ ԾԱՅՐ
ՑՈԱՂԱՉԵՄՔ ՀԻՇԵԼ Ի ՏԵՐ ԹՂՎԻ ՌՃՈՂ».

В переводе:

«ВОЛЕЮ БЕССМЕРТНОГО
БОГА МЫ АККЕРМАНСКИЙ
НАРОД И КУПЦЫ ПОСТРОИЛИ
СВЯТОГО
АВКСЕНТИЯ²⁵ ЦЕРКОВЬ

²⁴ См. Nicolai Costin, Letopisețul publicat de Stefan Petre, București, 1942, стр. 526.

²⁵ Л. М. Меликсет-Беков обращает наше внимание на церковь Св. Авксентия в Карасу-Базаре (Крым), упомянутую М. Бжшкянцем (см. его соч., стр. 246 и Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 25). Мы склонны думать, что упоминание этой церкви в Белгород-Днестровске обусловлено подчинением армян города и их церкви армянскому епископу Молдавии с резиденцией в Сучаве. Здесь, в монастыре «Замка», имеется церковь Св. Авксентия (первая половина XVII в.). Нам кажется, что появление в данной надписи плиты храма Св. Авксентия связано с этой церковью, с починанием ее храма.

Рис. 1а. Надпись приалтарной южной маленькой ризницы (фото).

Рис. 1б. Надпись приалтарной южной маленькой ризницы (прорись).

БЛАГОДАРЯ²⁶ ВЕРХОВНОМУ
АРХИМАНДРИТУ АФАНАСИЮ
ПРОСИМ ПОМЯНУТЬ ЕГО ВО ВРЕМЯ
БОГА ЛЕТА 1148», т. е. 1699 г. н. э.

Надпись вокруг левого креста:

«ՅԻՇ(Ա)Տ(Ա)Կ Ի Ս(ՈՒ)ՐԲ ԽԱԶՍ
ԿԱՐԱՊԵՏ Տ(Ի)Ր(Ա)Յ(Ո)ԻՐՆ»

В переводе:

«СВЯТОЙ КРЕСТ—ПАМЯТЬ
ДБЯЧКА КАРАПЕТА».

²⁶ Л. М. Меликсет-Беков приводит «Издивеннем» (см. указ. соч., стр. 25), а Ф. Кирик «пособием» (см. указ. соч., стр. 97).

Надпись вокруг правого креста:

«Ս(ՈՒ)ՐԲ ԽԱԶՍ
Պ(Ա)Հ(Ա)ՊԱՆ ԱՅՏԻՆԻՆ»²⁷

В переводе:

«СВЯТОЙ КРЕСТ—
ХРАНИТЕЛЬ АИТИНА»²⁸.

²⁷ См. Х. Кучук-Иоаннесов. «Ատենին». Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму. Древности восточные. «Труды восточной комиссии», МАО, т. I, вып. III, М., 1903, стр. 63.

²⁸ См. там же.

В маленькой северной ризнице церкви на каменном столе находится трапецевидная плита размерами 50×39×25,5 см (рис. 2 а, б).

Рис. 2а. Надпись приалтарной северной маленькой ризницы (фото).

Рис. 2б. Надпись приалтарной северной маленькой ризницы (прорись).

Центральная надпись гласит:

«ՅԻՇԱՏ(Ա)Կ Է ՎԵՄՍ ՏԱՆԱԿ—
ԵՐՅԻ ԽՕՃԱ ՄԵՍՐՕԲԻՆ ԵՂ(Բ)Ա(Յ)ՐԻ
Պ(Ա)ՂՏ(ԱՍԱ)ՐԻՆ Ի Դ(ՈՐ)ԻՆՆ (Եկեղեցու—
Ա. Թ.)» ՄԲ. ՅՕՂԱՆՆԻՍԻՆ

В переводе:

«ЭТА В ПАМЯТЬ БРАТА²⁹
ТАНАКЕРСКОГО ХОДЖА МЕСРОБА
БАГДАСАРА У ВХОДА³⁰ (церкви.— А. Т.)
СВ. ИОАННА».

²⁹ См. там же, стр. 65 в русском переводе: «Ходжа Месроба и брата Багдасара». У Л. М. Меликсет-Бекова—«Պաղատու-թիւն»—«Багатура» (указ. соч., стр. 27—28).

³⁰ Перевод «в притворе Св. Иоанна», как приводится у Л. М. Меликсет-Бекова.

Надпись вокруг креста:

«Տ(Ե)Ր Ա(ՍՏՈՒԱ)Ծ
Յ(ԻՍՈՒ)Ս Գ(ՐԻՍՏՈ)Ս
ԹԸՎԻՆ
ԻՃԾԲ»³¹.

следует считать неверным потому, что, как мне известно, притворы, как полукультовые здания, в армянской церкви исторической Армении не носили имена храмов. В данном случае, т. е. в надписи, имеется в виду: «у входа» какой-то церкви Св. Иоанна.

³¹ Х. Кучук-Иоаннесов—«Տեր Աստուած թըվին Յիսուսի Գրիստոսի ԻՃԾԲ» (в русском переводе: «Господе Бог. Лета Иисус Христа 1152», указ. соч., стр. 65).

В переводе:

«ГОСПОДЬ БОГ
ИИСУС ХРИСТОС

Л Е Т А

1152»³², т. е. 1703 г. н. э.

Упоминание в текстах этих плит о строительстве церкви Св. Авксентия, а также о наличии «притвора» Св. Иоанна послужило основанием для Л. М. Меликсет-Бекова³³, Ф. Кирика³⁴, В. Курдиновского³⁵ выдвинуть суждения о якобы действительном их существовании в Белгород-Днестровске в годы, указанные в надписях. Л. М. Меликсет-Беков³⁶ и Ф. Кирика³⁷ утверждают, что эти здания были упразднены в связи с переселением большинства армян в Григориополь. Ф. Кирика, считая,

³² Так, Л. М. Меликсет-Беков незаслуженно подвергает критике Х. Кучук-Иоаннесова, якобы неправильно расшифровавшего год надписи этой плиты. На приведенной нами фотографии плиты четко вырисовывается год армянского летоисчисления ՌՃԾԲ, т. е. 1703, а не ՌԾԲ, т. е. 1603, как у Л. М. Меликсет-Бекова (стр. 28). На неверное чтение года этой надписи в свое время указал Ф. Кирика (см. указ. соч., стр. 97)

Без особых усилий можно увидеть, что каменотес-резчик в своем стремлении четко выявить год изготовления плиты расположил буквы-годы по горизонтали в следующем порядке: «Ռ» и «Ճ» — с правой и левой сторон большой восьмилепестковой розетки, а «ԾԲ» — только с правой стороны семилепестковой правой небольшой розетки. Однако очень близкое расположение буквы «Ճ» к «ՅՄ», несомненно, нарушило бы схему расположения букв, выбранную мастером-резчиком. Поэтому мастер идет на уменьшение диаметра правой розетки плиты и на расположение рядом двух букв «ԾԲ».

³³ См. Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 27, 30.

³⁴ См. Ф. Кирика. Указ. соч., стр. 94.

³⁵ См. В. Курдиновский. Указ. соч., стр. 97, 98, 100.

³⁶ См. Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 13.

³⁷ См. Ф. Кирика. Указ. соч., стр. 94.

что после их упразднения престолы церкви Св. Авксентия и «притвора» Св. Иоанна были перенесены в нынешнюю церковь, где для них были выделены алтари, утверждает, что церковь стала трехпрестольной с конца XVIII в. и не позже начала XIX в.³⁸ Так говорит и народное предание армян³⁹. Объединение всех трех нынешних притворов в одном храме, по мнению В. Курдиновского, было, возможно, поводом к возобновлению описи сокровищницы⁴⁰. Он же выражает удивление по поводу быстрого исчезновения сведений об этих зданиях. В поисках их следов автор приводит сведения Иосифа Барбаро. Из его сведений видно, что в XV в. часть города простиралась в глубь вод лимана перед крепостью. В. Курдиновский предполагает, что эти здания находились на территории, ныне поглощенной водами лимана⁴¹. Он считает, что исчезновение этой церкви и «притвора» стало возможным незадолго после возобновленной описи Бжшкянца. Григорий Авакян утверждает, что упомянутые церкви не являются отдельными зданиями, а представляют собой не что иное, как три алтаря церкви⁴².

Если даже допустить возможность существования двух церквей в указанное в надписях время, т. е. тогда, когда город находился под турецким владычеством, то надо полагать, что они должны были быть однотипными с нынешней армянской церковью, т. е. полузагубленного типа, как и церкви в Килии и Каушанах.

Касаясь вопроса о предполагаемом упразднении этих двух зданий, необходимо отметить, что если даже они существовали и были упразднены в связи с переселением армян в Григориополь, то, конечно, такую же участь должна была бы иметь и нынешняя армянская церковь. Поэтому, на наш взгляд, переселение армян в Григориополь в конце XVIII в. не

³⁸ См. там же.

³⁹ К сожалению, содержание этого предания нами не найдено в литературе.

⁴⁰ См. В. Курдиновский. Указ. соч., стр. 100.

⁴¹ Там же.

⁴² См. Gr. Avachiap. Inscriptiile armenesti din betatea—Alba, Bucuresti, 1923, стр. 3.

может быть представлено как явление, вследствие которого были упразднены эти здания.

В связи с этим возникает вопрос: почему армяне, а может быть, и представители другой национальности города должны были бы оставить более древнюю, т. е. нынешнюю церковь, и упразднить новые здания. Ясно, что это было маловероятно. Вместе с тем небезынтересной является опись М. Бжшкянца о том, что «возобновленная опись сокровищницы записана в 1196 г. (т. е. в 1747.— А. Т.) в притворах...». На наш взгляд, здесь имеются в виду не притворы церквей. Св. Иоанна Богослова, Св. Авксентия и Св. Успения, а самих приалтарных больших или маленьких ризниц церкви, и, конечно, под «возобновленной описью» надо подразумевать, что подобная, первая опись была составлена опять же в этих «притворах», т. е. в ризницах нынешней церкви.

Итак, на наш взгляд, церковь Св. Авксентия в Белгород-Днестровске, как таковой, не было. Упоминание о строительстве этой церкви—не что иное, как реконструкция восточной части нынешней церкви. В память этого и была установлена плита в южной приалтарной маленькой ризнице церкви. Что касается плиты 1703 г., то она могла быть перенесена из другого места, как и плиты XV в. Возможно, что она была перенесена из Крыма земляком или родственниками умершего в Белгород-Днестровск, где надгробная плита, датированная 1749 г., находится у восточной стены, внутри притвора. Примечательно, что на обеих плитах упоминается местность исторической Армении—Танакер, откуда родом лица, названные в плитах 1703 и 1749 гг.

Из всего сказанного можно заключить, что в Белгород-Днестровске, начиная с XIV в., очевидно, было три армянские церкви: первая, возможно деревянная, существовала в 1384 г. и была разрушена турками в 1484 г. во время захвата ими Белгород-Днестровска; вторая—в период с 1484 г. по конец XVI в. и, по всей вероятности, уничтожена в 1573 г. казаками молдавского господаря Иона Водэ чел Кумплит и третья—нынешняя церковь, ставшая армянской, по-видимому, с конца XVI—начала XVII вв.

Итак, одна церковь возникла на месте другой примерно через каждые 100 лет.

* * *

Нынешняя армянская церковь в Белгород-Днестровске издавна привлекала внимание исследователей старины этого города. Однако степень ее изученности в имеющейся литературе не одинакова. Так, в одних работах имеются лишь самые общие сведения, которые иногда сопровождаются крайне скудными описаниями памятника; они представляют собой сопутствующий материал по освещению отдельных вопросов географии, истории, культуры Молдавии⁴³.

В других работах приводится разбор отдельных аспектов развития нынешней армянской церкви, в некоторых случаях сопровождающийся интересными комментариями, к которым автор этих строк обращался при изложении материалов данной статьи⁴⁴.

Минас Бжшкянц писал, что армяне «имеют старинную церковь, построенную из камня, но до половины врытую в землю»⁴⁵. В 60-х годах этого же столетия в

⁴³ См. А. Защук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область, СПб., ч. II, 1862; П. Батюшков. Бессарабия. Историческое описание, СПб., 1892; А. Кочубинский. Тура (Тирас)—Белгород—Аккерман. «Записки Одесского императорского общества истории и древностей», т. XXIII, 1901, отд. 1; П. Л. Криволап. Білгород-Дністровська фортеця. «Український історичний журнал», Київ, 1968, № 1; «Бессарабия к столетию присоединения к России. 1812—1912», составил Н. В. Лашков, Кишинев, 1912; Л. С. Берг. Бессарабия. Страна—люди—хозяйство, СПб., 1918.

⁴⁴ См. *Մի Ի շ ո Վ. Բ ժ շ Կ Ե Ն Ի Գ*. Указ. соч.; Х. Кучук-Иоаннесов. Указ. соч.; Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч.; Ф. Кирика. По преданию, прежде бывшая православная, ныне армянская церковь в г. Аккермане; В. Курдиновский. Примечание к статье Ф. Кирика.

⁴⁵ См. *Մի Ի շ ո Վ. Բ ժ շ Կ Ե Ն Ի Գ*. Указ. соч., стр. 317; Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 12.

своей работе А. Зашук отмечал, что «вообще эта церковь напоминает времена первых христиан, когда богослужение совершалось в подземельях; внутреннее устройство ее носит на себе печать турецкого владычества»⁴⁶. В 90-х годах прошлого столетия П. Батюшков характеризует нынешнюю церковь так: «Имея по архитектуре стиль базилики, церковь почти наполовину находится под землей и для входа в нее надо спуститься по 12 ступеням»⁴⁷. Им же приводится фотография с гравюры южного фасада церкви. Описание армянской церкви имеется также у Л. М. Меликсет-Бекова. В отличие от остальных авторов Меликсет-Беков перечисляет некоторые атрибуты культа церкви, как, например, старинные кресты и др.⁴⁸ Ф. Кирика в своей работе относительно подробно описывает церковь, привлекая при этом сильно искаженный набросок плана здания. Им впервые делается попытка описания икон и иконостаса церкви. Весьма знаменательно в этом отношении и то, что им приводится фотоснимок, изображающий ныне не сохранившийся иконостас алтарной абсиды, перед которой стоял, судя по фотоснимку, теперь не существующий деревянный киворий⁴⁹. В. Курдиновский, рассматривая архитектуру здания, заключает, «что с боков пристроенные приделы (большие ризницы.— А. Т.) находятся вне пределов церковной абсиды. Значит, они были вырыты в земле позже и не современны храму»⁵⁰. Из письма архиепископа Нерсеса местным властям от 3. I 1829 г. видно, что нынешняя «армянского исповедания церковь» нуждается в увеличении площади⁵¹. Из другого документа этого же столетия вытекает, что «ныне существующая церковь перешла в ветхость и угрожает опасностью»⁵².

⁴⁶ А. Зашук. Указ. соч., стр. 138.

⁴⁷ П. Батюшков. Указ. соч., стр. 72.

⁴⁸ См. Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 16—17.

⁴⁹ См. Ф. Кирика. Указ. соч., стр. 94.

⁵⁰ В. Курдиновский. Указ. соч., стр. 100.

⁵¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 6 и об.

⁵² Там же, ф. 6, оп. 5, ед. хр. 530, л. 57.

Это все, что известно по истории этого древнего памятника армян средневековой Молдавии. На наш взгляд, этот немой свидетель дружбы молдавского и армянского народов заслуживает более пристального внимания, и потому мы считаем целесообразным дополнить картину описания армянской церкви новыми сведениями, характеризующими в целом этапы ее развития. С этой целью в данной статье привлекается выполненный нами графический материал, помогающий еще глубже раскрыть архитектурно-композиционное и художественное содержание памятника. Вместе с тем архитектурно-планировочный и объемно-конструктивный анализ здания церкви, а также использование соответствующих сведений историков, архивных документов и собственных наблюдений позволяют выделить те части здания, которые дополнили композиционный облик церкви на протяжении всего периода ее существования. Не лишним будет отметить, что небольшая попытка в этом направлении была предпринята нами⁵³.

Армянская церковь Св. Успения Богородицы расположена на обнесенном каменной стеной участке. На этой территории с южной стороны церкви находилось здание армянской школы (ныне не существующей)⁵⁴. На участке, расположенном с северной и северо-восточной сторон церкви, можно увидеть еще несколько надгробных камней, свидетельствующих о том, что на этой территории было кладбище⁵⁵. На несколько шагов от церкви, с юго-западной стороны, находится деревянная колокольня (рис. 3). Немного дальше возвышается объединенное новое здание сада-яслей. Юго-западная граница участка армянской

⁵³ См. А. Х. Тораманян. Этапы строительства армянской церкви в Белгород-Днестровске. Материалы V научно-технической конференции КПИ, 1969.

⁵⁴ По сведениям старожилов города, армянская школа существовала до 1945 г., правда, в состоянии ветхости, из-за чего она была разобрана. В ней шли занятия до 1930 г.

⁵⁵ Л. М. Меликсет-Беков видел надгробия XVIII в. (см. указ. соч., стр. 20), а В. Курдиновский—XVII в. (см. указ. соч., стр. 98).

церкви застроена одноэтажными жилыми домами и хозяйственными помещениями.

Рис. 3. Деревянная колокольня. На заднем плане общий вид церкви с юго-запада.

Жилой дом священника построен из кирпича и расположен у больших ворот территории участка церкви. В двух из трех каменных стен обнесенной территории устроены входы: один—главный, в юго-западной стене, второй—в северо-западной (рис. 4).

Церковь представляет собой каменное здание одионефного типа, перекрытое деревянным ложным сводом, завершающимся с восточной стороны небольшой эллипсовидной в плане алтарной абсидой с конховидным завершением (рис. 5). В ней имеется одно окно, расположенное на продольной оси церкви, а также две ниши с полукруглым верхом. Непосредственно с правой и левой сторон абсиды примыкают большие ризницы с приалтарными маленькими ризницами, перекрытыми сводами. Между зальной частью церкви и алтарной абсидой имеется площадь, пространство которой покрыто цилиндрическим сводом. Западная сторона пространства обрамляется подпружной аркой, а восточная—собственно аркой алтаря, поддерживающей конховидное покрытие алтаря. Перед высоким подиумом алтаря на отделяющей площадке устроена каменная платформа высотой в две нормальные ступеньки по бокам ее. В уровень низа платформы имеется широ-

кая площадка с деревянным полом. Такая же площадка имеется в западном конце зала церкви. В отличие от первой последняя площадка занимает длину от западной стены почти до южного входа в церковь. В южной стене церкви под окном, находящемся вблизи алтарной абсиды, устроена ниша, где помещена плита 1446 г. В этой же стене, с левой стороны от входа, находится большая ниша с балочной перемычкой. В северной стене церкви, при входе в большую приалтарную северную ризницу, сделана ниша для так называемой недатированной плиты. В этой стене со стороны зала, у подпружной арки, имеется маленькая ниша для плиты 1474 г.

Рис. 4. Северо-западный вход на территорию участка церкви.

В северной и южной стенах предалтарного сводчатого помещения устроены проемы с полукруглым верхом, ведущие в высокие прямоугольные помещения северной и южной больших ризниц, перекрытых цилиндрическими сводами. В северной ризнице, в ее северной стене, находится ниша с мраморной ванночкой для крещения—баптистерион. В боковой стене этой ниши другая небольшая ниша, служившая, по всей вероятности, для хранения необходимых

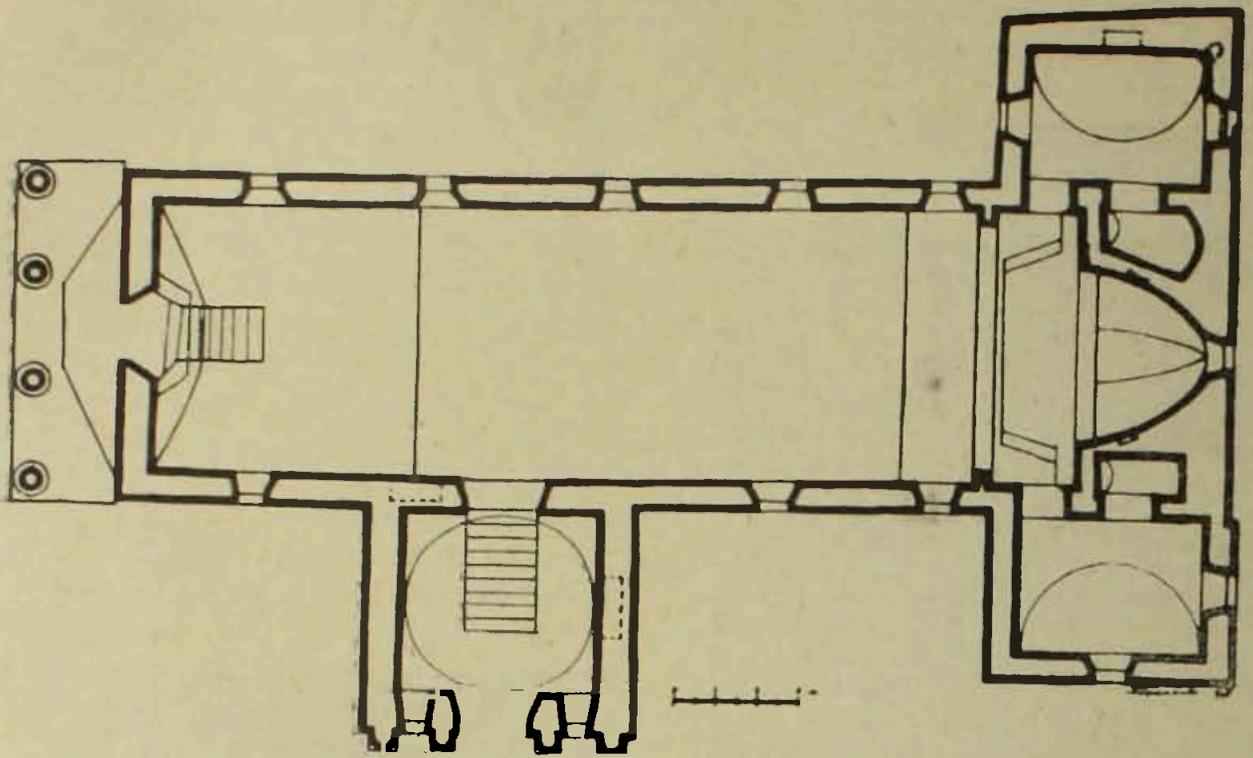

Рис. 5. План церкви.

атрибутов крещения. Ниша с полукруглым верхом устроена в восточной стене ризницы непосредственно под окном. Другая ниша сделана в углу пересечения северной и восточной стен. В южной стене большой ризницы имеется невысокий вход, ведущий к северной приалтарной маленькой ризнице. Помещение большой северной ризницы освещается через два оконных проема, устроенных в восточной и западной стенах ризницы. Южная большая ризница имеет два окна—в южной и восточной стенах (рис. 6). К западной стене церкви пристроен низкий каменный портик с четырьмя колоннами, перекрытый наподобие свода зала. В западной стене церкви имеется входной проем, а над ним—узкий небольшой оконный проем. С этого входа можно спускаться по каменному лестничному маршу с 8 ступенями в помещение церкви. Из описания Ф. Кирика видно, что западный вход церкви «вводит в женское отделение и в «Сионскую горницу», вроде наших хоров, помещающихся над женским отделением, и надстройка эта недавнего времени»⁵⁶. К южной стене церкви примыкает большой, почти квадратный в плане высокий закрытый притвор, перекрытый сферическим сводом (рис. 7). В притворе устроена одномарше-

вая каменная лестница, ведущая в церковь. В восточной стене притвора находится ниша с архитравной перемычкой. В южной стене притвора имеется входной проем, по обеим сторонам которого устроены узкие, расширяющиеся во внутрь помещения оконные проемы. Перекрытие проема—архитравное. Стены церкви и пристройки оштукатурены. На поверхности наружных стен сохранились следы многослойных красок: желтой, светло-желтой, голубой и других оттенков. Полы церкви и северной ризницы деревянные, в остальных помещениях бетонные. Покрытие церкви, алтарного блока и западного портика двухскатное, а притвора—четырёхскатное. Кровельным материалом служат железные листы. Окна церкви имеют металлическое фигурное ограждение.

Архитектурно-художественный и внешне композиционный облик церкви весьма скромны. По выражению Л. М. Меликсет-Бекова, «не привлекательна совсем Аккерманская армянская церковь своим наружным видом»⁵⁷. Здание церкви представляет собой низковытянутое помещение с высокой крышей (завершающейся с восточной стороны южной ризницы алтаря). Оно имеет такую же высоту, что и сама зала церкви.

⁵⁶ Ф. Кирика. Указ. соч., стр. 93.

⁵⁷ Л. М. Меликсет-Беков. Указ. соч., стр. 15.

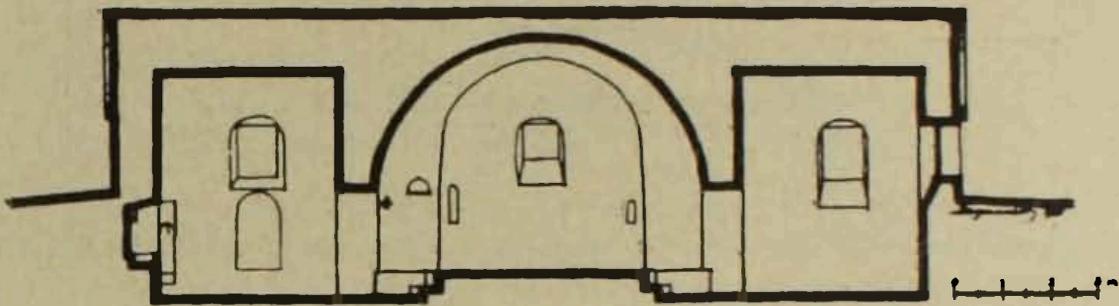
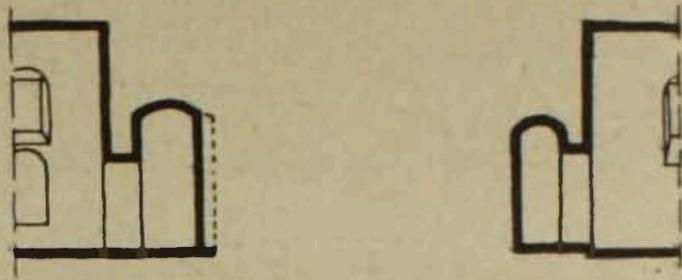

Рис. 6. Поперечный разрез церкви (по алтарному блоку).

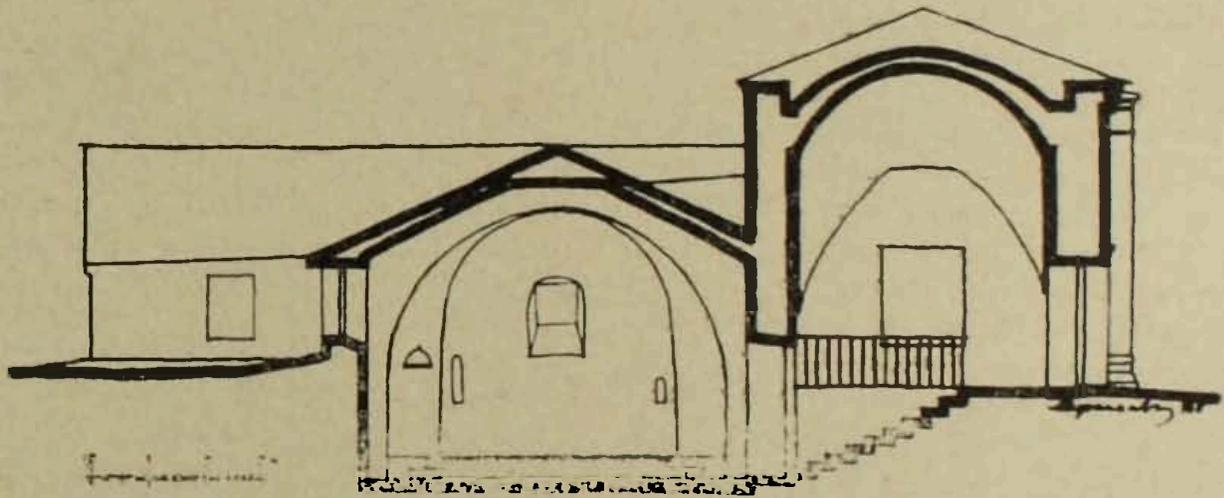

Рис. 7. Поперечный разрез церкви (по притвору)

С западной стороны имеется портик, крыша которого опирается на западную стену церкви (рис. 8). Единственным сравнительно привлекательным объектом южного фасада церкви является притвор, устроенный почти в среднюю часть длины фасада церкви. Западный и восточный фасады притвора, представляющие собой гладкие стены, делятся, в уровне ниже половины высоты притвора, поясом. Единственным фасадом, где применяются архитектурные детали, является южный. Очевидно, это и был главный вход в церковь. Фасад представляет собой плоскость, на которой вписаны четыре мощные декоративные полукруглые

пилястры, причем расстояние между средними пилястрами больше крайних. Средняя площадь делится профилированной тягой на две части: входной проем и плоскую поверхность стены, которая, судя по гравюре в книге П. Батюшкова, видимо, когда-то была покрыта стеной живописью. Плоскости, образованные между крайними пилястрами, делятся также узкой тягой на две части. В верхней части плоскости устроена высокая полукруглая в плане ниша с конховидным завершением, а в нижней части плоскости, непосредственно под тягой, имеется фронто́н как украшение для вытянутого по вертикали проема. Сами пи-

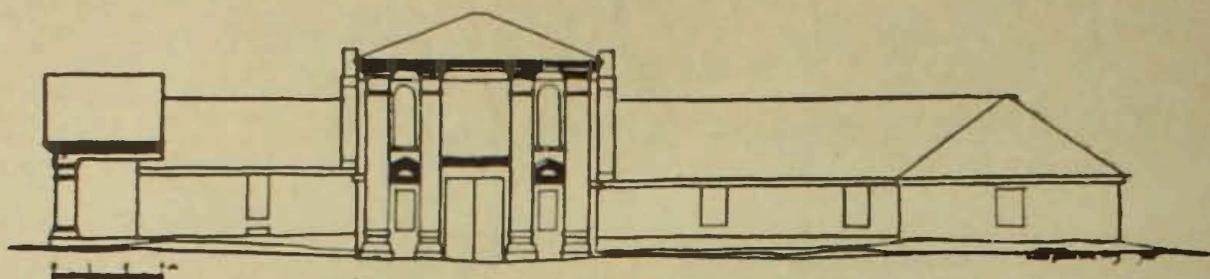

Рис. 8. Южный фасад церкви (обмер).

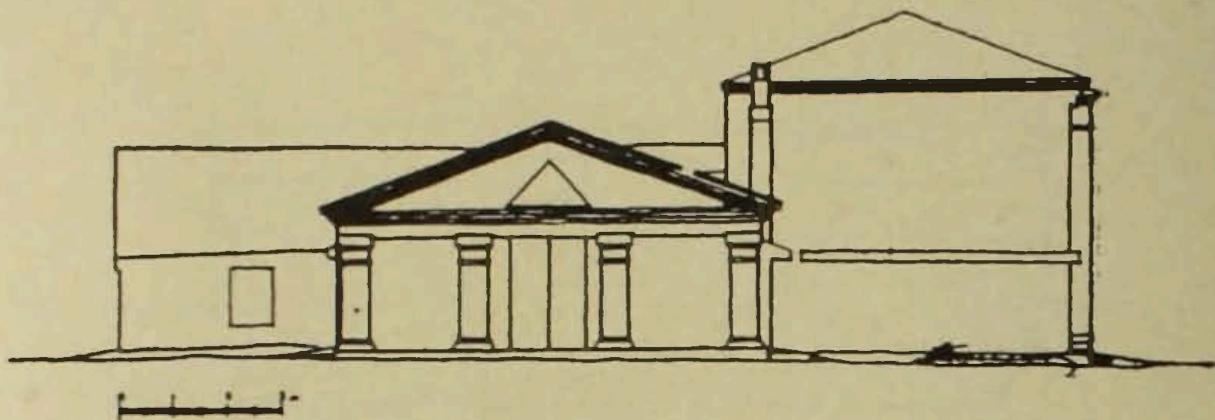

Рис. 9. Обмер западного фасада церкви.

лястры имеют своеобразные капители и базы. Западный фасад церкви представляет собой портик о четырех приземистых колоннах, на которые опирается каменный фронтон с профилированным карнизом (рис. 9). В средней части фронтона устроена треугольная ниша, плоскость которой, по всей вероятности, была покрыта росписью. Примечательно, что высота фронтона почти одинакова с высотой самих колонн портика, что еще больше усиливает восприятия приземистости здания. В интерьере, за исключением упомянутых мраморных плит, в настоящее время ничего не сохранилось. Согласно сведениям Л. М. Меликсет-Бекова, Ф. Кирика, в церкви была стенная живопись, «недавно возобновленная»⁵⁸, иконостас и кивория⁵⁹.

Рассмотрение структуры плана армянской церкви в Белгород-Днестровске позволило выявить наличие упомянутой пред-алтарной площадки, необходимость которой была вызвана самостоятельным обеспечением жесткости конструктивных систем алтарного блока. Характерно отметить, что такая дополнительная площадка между алтарем и залом церкви в однотипных упомянутых церквях (в Килии и Каушанах)

отсутствует⁶⁰. Наличие этого дополнительного помещения дает основание заключить, что алтарный блок, возможно, позднего времени. В свое время на это указывал В. Курдиновский⁶¹. Однако, на наш взгляд, это утверждение основано на выявлении необычной для молдавской архитектуры черты, а не как результат архитектурно-планировочного и конструктивного анализа церкви. Необычность подсобной формы плана армянской церкви и заставили В. Курдиновского видеть в ризницах объекты, не современные первоначальной форме плана церкви.

Обращает на себя внимание рациональное использование конструктивных систем сводчатых перекрытий алтарного блока. Так, цилиндрические своды больших ризниц работают самостоятельно; горизонтальные распоры от собственного веса сводов передаются на соответствующие восточные и западные стены ризниц. Арка конхового свода алтарной абсиды поглощает свои горизонтальные усилия в простенках абсиды.

⁶⁰ См. К. Д. Родниц, И. И. Понатовский. Памятники молдавской архитектуры XIV—XIX вв. Кишинев, 1960, стр. 28—29, рис. 25, 26.

⁶¹ См. В. Курдиновский. Указ. соч., стр. 100.

⁵⁸ См. там же, стр. 16.

⁵⁹ См. Ф. Кирика. Указ. соч., стр. 95.

Необычным представляется нам свод перекрытия зала церкви, представленного не в том привычном решении и взаимосвязи с другими конструкциями. Он решен в виде деревянного ложного трехгранного свода, примыкающего с восточной стороны, через подпружную арку, к своду дополнительного помещения церкви и алтарной абсиды. Надо полагать, что первоначально церковь имела перекрытие в виде цилиндрического каменного или кирпичного свода с подпружными арками, пяты которых могли кончаться на пилястрах или на кронштейнах, как в Килийской и Каушанской церквях. Нам думается, что первоначальный свод нашей церкви не имел подпружных арок, из-за чего, возможно, и рухнул свод.

Наиболее значительным этапом развития архитектурно-планировочной композиции и объемного построения церкви является конец XVII в., т. е. 1699 г., год, обозначенный в упомянутой лапидарной плите южной приалтарной маленькой ризницы. Проведенный нами выше архитектурно-планировочный и конструктивный анализ примыкания алтарного блока к зальной части церкви дает основание заключить, что в этом году осуществилось не строительство новой церкви, а был возведен алтарный блок⁶². Надо полагать, что первоначальная алтарная абсида церкви находилась в неудовлетворительном состоянии. Однако, по всей вероятности, небольшие ремонтно-строительные работы дали возможность проводить в ней церковные службы до указанного года. Видимо, в худшем состоянии находилось перекрытие зального помещения. Такое состояние церкви и необходимость расширения ее площади потребовали проведения значительных строительных работ. В связи с этим необходимо было разобрать старое перекрытие церкви (зала и алтарной части). При возведении нового алтарного блока была устроена дополнительная площадь между старым зальным помещением церкви и новой абсидной частью алтаря, о роли которой было сказано выше. При этом была возведена и западная подпружная арка, обрамляющая западную сторону пространства этой до-

полнительной предалтарной площади. Из этого можно заключить, что арка была пристроена к старой кладке северной и южной стен церкви. По-видимому, к этому же времени относится деревянный свод церкви, впоследствии перестроенный. О реконструкции или, вернее, возведении нового алтарного блока может свидетельствовать и устройство подиума предалтарной площадки. Видно, для обеспечения удобного входа в больших ризницах стало необходимым устроить подиум с узкой стороной западной его части.

В начале XIX в. здание церкви подвергается новой реконструкции. Наши наблюдения и отдельный разбор конструктивных элементов зального помещения церкви показали, что тогда была увеличена длина здания с западной стороны. Это подтверждается увеличением толщины западной нововозведенной стены, а также устройством оконных проемов с горизонтальным импостом в новых участках северной и южной стен церкви. В отличие от новых оконных проемов в старых проемах зальной части церкви это деление проемов отсутствует. Для выделения частей здания, характеризующих изменения в облике здания, основанием послужил отрывок, упомянутый в начале письма архиепископа Нерсеса, который гласит «покойный епархиальный в Бессарабии обитающих армян архиепископ Григорий по причине умножения армянского сословия признал в 1827 г. нужным разрешением своим предписать Аккерманскому духовному правлению, чтобы согласно посланному от него плану сделать в оном храме переправу, одну стену вновь переделать и расширить для пространства, притом на верху храма прочно основать кумпол, в коем помещаются колокола. Предположение сие в перестройке и в исправлении церкви было начато в том же 1827 году—постройка докончена, оставалось только довершить кумпол. В сие время последовала кончина архиепископа Григория; за неимением материалов невозможно было докончить»⁶³. Надо полагать, что по завершении этих работ был возведен западный портик с четырьмя колоннами, и, возможно, был перестроен южный при-

⁶² См. А. Х. Гораманян. Указ соч., стр. 331.

⁶³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 6 и об.

твор. Об одновременном выполнении этих работ свидетельствует общность стилистических особенностей портика и притвора. К этому же времени, возможно, относится устройство нового деревянного свода перекрытия церкви и портика, а также деревянного балкона церкви.

Судя по имеющимся документам ЦГА МССР надо полагать, что в конце XIX начале XX вв. были осуществлены работы по укреплению конструкции церкви и, в частности, свода южной большой ризницы. Возможно, были произведены также и другие работы по улучшению функциональных особенностей здания, которые, по-видимому, в незначительной степени отразились на его облике⁶⁴.

Итак, можно заключить, что первоначальная схема плана церкви характеризо-

валась тем, что здание представляло собой однонефное помещение, завершающееся с восточной стороны большой полукруглой абсидой. С южной стороны был упрощенный деревянный притвор или, может быть, открытая лестница, крытая только деревянной кровлей.

Необходимо также отметить, что совокупность исторических сведений, собственных наблюдений и результатов сравнительного архитектурного анализа памятников позволили проследить путь развития архитектуры здания церкви, от первоначального типично молдавского планировочного решения церкви XV—XVIII вв. до армянского с особо развитым алтарным блоком, решенным наподобие многих средневековых памятников исторической Армении.

⁶⁴ Там же, ф. 6. оп. 5, ед. хр. 530, л. 57.